

стенограмма
«недели»

В гостях у студии молодого журналиста «Недели» — Андрей МАКАРЕВИЧ, руководитель рок-группы «Машина времени». Получив в 1980 году первый приз на фестивале в Тбилиси, «Машина» бодро покатила вперед. Концерты, гастроли, слава; фильмы «Душа» и «Начни с себя»; диск «В добрый час»; первые места группы в целом, Андрея Макаревича и песни «Музыка под снегом» в частности, в параде популярности «Московского комсомольца» за 1986 год; устойчивое лидерство песни «Она идет по жизни, смеясь» в хит-параде А. Градского — это верхние ступени лестницы, которые у всех на виду. А нижние так и остались в тени — от школьного ансамбля до профессионального коллектива...

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Вроде бы нам, студентам факультета журналистики МГУ, не впервой встречаться с известными людьми. Но Макаревич для нас — именно для нашего поколения — это особая встреча. После всех волнений и ожиданий мы пришли на нее не как будущие журналисты, а как представители своего поколения. Оно как бы через нас задавало свои, нежурналистские вопросы, давало свои оценки.

Да, его уже называют ветераном рока. Но он не покинул сцену, даже наоборот — вышел на новый виток популярности. Почему же нам мало только его песен? Быть может, потому, что через десятки рядов во Дворцах спорта, за модными клубами жидкого азота, за световыми фильтрами, за кинолентами мы не видим его лица — а это так важно.

Мы, двадцать человек, поколение 80-х, пришли на эту встречу, чтобы получить ответ на вопрос, который не знали, как задать и не смогли задать: кто же ты теперь, Андрей Макаревич?

— Я не смущаюсь в разговорах с большим количеством людей, в последнее время приходится вести их даже больше, чем нужно. Подчас это... мешает. На девяносто девять процентов то, что хочу сказать людям, я говорю в песнях. Если они получают, то уже не нуждаются в каких-то дополнительных комментариях и пояснениях.

— Не смогли бы вы вспомнить время, когда начинали, атмосферу, рок-музыку тех лет?

— Я не думаю, что об этом можно рассказать в трех словах... Сейчас то время кажется идиллически окрашенным — мне было мало лет, все — в новинку. Такое ощущение, что мы тогда зарядились каким-то особым духом...

— Расскажите о вашем первом концерте для большой аудитории.

— Большая — это сколько?

— Когда в зале есть люди, которые лично вам знакомы...

— Это было... в 69-м году, нас впервые пригласили из нашей, девятнадцатой, школы в четвертую. Мы учились в девятом классе. Все тогда прошло очень здорово. Нас, правда, побили после концерта, но не за то, что мы плохо пели... а на радостях, по-моему... Да-да, так у мальчишек бывает.

— Что, кроме формального статуса, отличает вас от самодеятельных групп?

— Когда у нас были самодеятельные концерты, к каждому мы готовились как к какому-то событию, за сутки я заболел от волнения, у меня началась ангина, я страшно боялся, что у нас обязательно что-то сломается, что-то сорвется струна — все проходило на таком вот нерве. А потом постепенно учился, как сделать, чтобы никакой неприятности не могло произойти, и как себя вести, если что-нибудь все-таки случится... Расценки работы артиста вокально-инструментального жанра (так мы называемся) были введены в конце пятидесятых, как раз в годы борьбы с «чуждой» музыкой. Условия для жизни и творчества были невероятно трудные... Но мы не сломались и продолжаем до сих пор играть на условиях немногих лучших. Высшая ставка за концерт для каждого — десять рублей. Независимо от того, песню ты спел или час работаешь на сцене, один человек в зале или полный зал и на улице очередь.

Будто бы все придумано для того, чтобы у человека пропало желание работать над новой программой. Действительно, а зачем? Можно петь одну и ту же песню в сборной программе всю жизнь. И не заботиться о том, сколько «на тебя» придет зрителей.

— Чем же вызван уход на профессиональную сцену?

— Во-первых, тем, что положение самодеятельной группы было какое-то подвешенное. Ну, например, дело прошлое, за нами, бывало, милиция по пятам ходила, пыталась выяснить, на какие средства существуем, откуда у нас гитары, кто утвердил программу. Это было очень утомительно и тяжело. Во-вторых, в прежние годы мы были окружены плотной тол-

пой человек в пятьсот. Эти люди постоянно ходили на «сейшена», как тогда назывались концерты любительских групп, а другие не могли на них попасть... Теперь же у нас значительно увеличилась аудитория, и мы ничем, собственно, не поступились. И вообще приятно, когда любимое занятие и работа совмещаются...

— Когда и как вы пишете песни?

— Давно, когда еще работал в архитектурной мастерской, писал песни в самой неудобной обстановке — едешь на работу в метро, невыспавшийся, все толкается... Но голова-то свободная...

— Нынешние комфортабельные условия вам не мешают?

— Вы напрасно думаете, что они такие уж комфортабельные...

— Ну как же. Записываетесь, выступаете... Отдельная квартира, машина...

— Ну, просто кошмар! Заелся!

— Дачи еще нет?

— Дачи еще нет.

— Не посещает ли вас в вашем сегодняшнем благополучии тоска по «неблагополучному» прошлому? Чего вам жаль сейчас в этом прошлом?

— Я не могу назвать свое сегодняшнее состояние благополучием.

— А официальное признание?

— Это только внешняя оболочка, пото-

му что неблагополучия еще очень много. Из-за того, к примеру, что я вынужден заниматься организационными вопросами — гастроли, министерство, снабжение... Я не могу этим заниматься, у меня аллергия на всякую административную деятельность. Это очень скучно, это меня травмирует сильнее, чем неудачный концерт. Так что я никак не ощущаю свое нынешнее положение благополучным.

— Но вы, наверно, понимаете, о чем вопрос?

— Сейчас выходит пластинка — тогда не выходила? Сейчас показывают по телевидению — тогда нет? Ну что ж, нас тогда это не очень и огорчало. Настолько казалось невероятным, что мы об этом не особенно мечтали.

— Но вы тогда были раскованнее, может быть, мягче, романтичнее...

— Да, возможно... Я жил нормальной человеческой жизнью. И даже имел возможность отдыхать. Меня меньше дергали, не узнавали на улицах...

— ...хотя, наверно, это приятно?

— Да, но когда ты после студийной записи лег спать в четыре утра, а в шесть утра звонок в дверь — и стоит группа из Свердловска... Я-то понимаю, что они ни в чем не виноваты, но у них такие лица, будто я всю жизнь ждал, когда они придут, и вот они меня ошастливили.

— Ваш лирический герой, судя по недавней пленке, очень сильно изменился за последние годы. Чем это объясните?

— Он все-таки не столько изменился по содержанию, сколько по форме выражения. Когда тридцатипятилетний человек пытается продолжать разговаривать с семнадцатилетними на их языке — это выглядит как-то не очень убедительно. Поэтому я не подстраиваюсь под то, что было. Мало того — мне это сейчас не близко... Наверно, это естественный процесс. Человек с возрастом меняется. Я не исключение. Может быть, поэтому появились у меня бардовские песни, которых пятнадцать лет назад просто не могло быть. Но я никогда не был приверженцем какого-то одного стиля — это все равно что выбрать из алфавита двенадцать букв и только ими пользоваться. Стиль — это когда отпечаток автора, исполнителя делает его работу узнаваемой, независимо от того, в каком музыкальном ключе она решена. И я думаю, что стиль у «Машины времени» есть.

— Мы сегодня больше работаем на концертах, чем в студии. Мы не студийная группа — может быть, поэтому фирма «Мелодия» сейчас решила попытаться выпустить наш концертный диск. Мне самому многие наши студийные записи кажутся засушенными — нормального эмоционального уровня, как в концертной записи, там не чувствуется. А для меня важно именно это.

— Выступая перед залом, видите ли вы отдельные лица?

— Вижу ли я лица?.. Это зависит от зала, залы бывают самые разные. Мы теперь вынуждены работать во Дворцах спорта...

— ...в среднем мы приносим около мил-

лиона рублей прибыли в год. Нас очень просят больше работать — мы не можем физически. Даем двенадцать-четырнадцать концертов в месяц, и это предел возможностей. А аншлаги — они как были, так и есть.

— Андрей, на концертах в Лужниках вы исполняли попури из старых песен. Почему: не хватает песенного материала или все-таки старые — популярнее?

— Я полагал, что это не нуждается в объяснении. Ну, хорошо: я знаю, что многие любят наши старые песни — потому что с ними связана их молодость. И вообще человек лучше воспринимает то, что ему хорошо знакомо. Разумеется, песенного материала хватает. Только посмотрим, что с сегодняшними песнями будет лет через пять...

— Итак, осталось двенадцать минут. Пора заканчивать. Сейчас — блиц-интервью. Короткий вопрос — короткий ответ.

— Какой вопрос сегодня не был задан, а вы его ждали?

— Я не ждал вопросов.

— Вы помните свою первую любовь?

— Помню... Но ни под какими пытками никому ее не спою.

— Почему?..

— Она одновременно и дорога мне, и очень плоха — поэтому...

— Как долго вы еще собираетесь продержаться на сцене?

— Двенадцать лет, шесть месяцев и три дня. (Улыбнулся).

— Есть ли, по-вашему, у рок-певцов возрастные рамки?

— Нет возрастных рамок.

— Чего вы больше всего хотели бы сейчас?

— Дня на три уехать куда-нибудь... На рыбалку...

— Итак, остался единственный вопрос: чего вы боитесь?

— Чего же?.. Наверно, у каждого человека есть такое... Не саморедактура, не самоконтроль... Но когда что-либо делаешь, первый твой слушатель — это ты сам. Ты еще никому ничего не показывал, но ты сам оцениваешь сделанное — хорошо или нет. Если нет — то почему, что изменить или, может быть, бросить... Я надеюсь, что это качество меня пока не подводило, и очень не хотел бы, чтобы оно меня когда-нибудь подвело...

Записал
И. СТЕПАНОВ.

(Студия молодого журналиста «Недели»).

Фото А. Астафьева и С. Киселева.

